

«Все в ней гармония, все диво : образ черкешенки в топониме «Геленджик»

Небиеридзе Тамилла Анатольевна

Ст.научный сотрудник отдела фондов

Геленджикского историко-краеведческого музея

Более 10 веков на территории нашего курорта жил гордый и свободолюбивый народ. Суровая жизнь горцев, полная внешних и внутренних опасностей и тревог, требовала от них высоких боевых качеств, поэтому даже в повседневной жизни был выработан культ воинственности и героизма. Система воспитания была полностью ориентирована на воспитание воина. История адыгов - это постоянные войны за выживание, за сохранение идентичности языка и культуры. Существовали определенные правила поведения в адыгском обществе «Адыге Хабзе» - «Адыгский этикет» - это образ жизни и мышления всех членов адыгского общества. Существует пять основ адыгской нравственной этики, которая регламентирует жизнь адыгского общества : человечность, почтительность, разум, мужество и честь. На территории нашего курорта проживали два могущественных и воинственных племени — натухаевцы и шапсуги. Это были демократические племена (адыги делились на аристократические, во главе с князем и демократические, во главе с советом старейшин, которые называли «Вольными обществами»). К началу 19 века в социальной сфере адыгского общества шел переход от родоплеменных отношений к классовому обществу. Это объясняется изолированностью от внешнего

мира, междоусобицами, межэтнической раздробленностью, постоянным отражением нападений извне. Все это в конечном итоге определило низкий уровень общественно — экономических отношений, породило уникальное явление, как на беговая система и привело к тому, что на протяжении многих веков адыги так и не создали своей государственности, это является большим противоречием, так как этнографические экспедиции, археологические раскопки показывают, что яркая, самобытная духовная и материальная культура адыгов всегда была на достаточно высоком уровне. И олицетворением этой культуры была адыгская женщина - черкешенка. На набережной стоит белая мраморная скульптура «Невесты» (2010 г., авторы скульпторы А. Поляков и Е. Соколов). Она является символом нашего города. По прошествии времени в нашем сознании складывается определенный образный стереотип, так например, образ невесты: девушка в белом или светлом подвенечном платье. Но подлинная история названия нашего курорта Геленджик уходит в далекое 15 столетие.

В конце XV века Черноморское побережье Кавказа на долгих 300 лет попадает под влияние Османской империи. На этой территории возникают турецкие военные укрепления, среди которых Анапа, Суджук-кале, Сухум-кале и др. Турецкое укрепление было построено и в районе современного Геленджика. Очевидно самыми первыми документальными свидетельствами существования собственно топонима «Геленджик», о которых упоминает в своей статье А. В. Грошев, являются две карты портолана (морская карта 13 -16 вв) Черного моря из атласа «Книга морей» (Kitab-ı Bahriye) выдающегося османского картографа и флотоводца Пири Рейса (Piri Reis), созданного по мнению большинства специалистов в 1526 г., а письменное упоминание название «Геленджик» мы находим в книге французского консула в Крыму Ксавериио Главани «Описание Черкесии», изданной в 1724 году: «...Залив Геленджик-лиман представляет хорошую стоянку для судов. Прежде генуэзцы имели здесь пристань, а ныне султан турецкий начал строить укрепление. Морская флотилия может зимовать в этом заливе, будучи закрыта от всех ветров. Геленджик-лиман находится между Абазою и Черкессиею и удален на 50 миль от Каффского (Керченского) пролива». В атласе «Черноморские порты», выпущенном в 1807 году, имеются чертежи и описания главных мест турецких владений, по берегам Черного моря. В том числе план порта Геленджик, снятого французским инженером Лафитом Клаве в 1784 году. На этом плане обозначено укрепление в районе Тонкого мыса и редут в районе Толстого мыса. Известно, что период турецкого владычества на Черном море был связан с работоторговлей. В основном это были девушки - горянки для гаремов Востока. В 1831 году было заложено Геленджикское русское военное укрепление, одно из первых на Черноморском побережье Кавказа. Последующее строительство военных укреплений на побережье привело к учреждению Черноморской береговой линии. Начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н. Н. Раевский - младший (с 1838 г.) в одном из донесений сообщал: «...Торговля с восточными

берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками - Трапезундские медные рудники, и женами - восточные гаремы». По свидетельству Теофиля Лапинского: «Обыкновенный мальчик стоил 100 руб. серебром. Взрослый мужчина, годный для воинской службы 200 р. На женщин постоянных цен не было, все зависело от возраста и красоты. Девушка, если она имела сносную фигуру стоила 300 руб, но не более 500 р. Красавица для гаремов стоила в 2-3 раза дороже (для сравнения бык стоил 10 руб, коза 1 руб)».(Теффик -Бея, жившего здесь с 1857 по 1860 гг. Польский офицер, в чине полковника командовал артиллерией отряда и планировал создать регулярную воинскую часть с артиллерией и привлечь на сторону черкесов поляков, служивших в русской Кавказской армии . За голову Лапинского русское командование назначило премию в 3 тысячи рублей.).

Много толкований переводов названия «Геленджик». В путеводителе Личкова Л. С. « Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа» -Киев , 1903 год. «...По преданиям, такие же роскошные сады, защищенные от холодного норд -оста могучими густыми лесами, окружали Геленджик в былые времена такую стеною, что весною он утопал в цветах, как богато убранная невеста. Отсюда и производят некоторые его названия «Геленджик», которое по их толкованию означает «Белая невеста». Справедливость требует, однако, что другие, производя его от оных слов и наречий переводят несколько иначе: «Красавица -невеста», «Городок -невеста»,а некоторые просто «Бухта». Кубанцы -малороссы, поселившиеся тут впервые дали ему название «Зеленчук», которое за ним и осталось в народной среде и поныне. Являясь видимо производным от «Геленджик», оно в то же время, надо думать характеризовало все -таки место с точки зрения действительно бывшего тогда изобилия зелени».

В своей справочной книге «Черноморское побережье Кавказа» Ф. Доброхотов (Петроград, 1916)пишет: «Прекрасная Геленджикская бухта с глубокой древности привлекала к себе людей. В 1811 году командир фрегата «Иоанн Златоуст» Скуртули доносил о бухте Геленджик - Кале, что она довольно выгодна своим закрытием от ветров. Владетель оной бухты есть черкесский князь Калабат - Оглу и сия бухта единственная от Суджука до Сухума, которая доставляет все жизненные припасы для черкесов. Главным же образом через Геленджик шли ясыри - пленники и особенно прекрасные пленницы, которых отправляли отсюда в Турцию и Аравию. По одному из толкований Геленджик состоит из двух слов: «Гелен» - Елена - от греческого, и черкесского скрашивающего окончания «джик». Быть может, красавица Елена была белой невестой, а Геленджик - городом покупаемых в нем невест...». В кратком топонимическом словаре В.А. Никонова (Москва, 1966) написано: «Геленджик по внешнему звуковому сходству наивно истолковывали из тюркского, в значении «невесточка». Действительно, захватив эту территорию в конце XV в., турки сделали Геленджик портом вывоза девушек-горянок для турецких гаремов. Однако, образование этого слова искусственно. Может быть, следует привлечь «хелендж» (береза, тополь), зафиксированный арабским

путешественником в IX в.». В очерках по топонимике Кубани В.Н. Ковешникова (Краснодар, 2006) «По одной из версий, название города произошло от турецкого слова, означающего «Невесточка», по другим данным «Ночная красавица», но это ничем не подтверждается. Хотя город был известен своим невольничьим рынком, из него увозили в Турцию горянок для гаремов. Другие объясняют значение перевода так: по преданию, роскошные сады, защищенные от норд-оста горами, окружали город «стеной», так что весной он утопал в цветах, как богато убранная невеста. По другим данным: название происходит от арабского слова «хелендж» название дерева (березы или тополя), и это тоже не бесспорно. Есть еще один вариант перевода от черкесского названия местности в виде «хьулъжъый», состоящего из двух слов, означающих «пастбище или поляна» и «маленький». Возможно, это слово при заимствовании турками приобрело форму «келенчик» Геленджик. Есть также предположение, что в названии сочетается симбиоз слов: греческого Гелена (Елена) и черкесского «джик». И, наконец, В.Филимонов предлагает: «Итак, «хелендж» - это зеленая бухта, что тоже неплохо». У Хан -Гирея есть название речки Ххульзжий, впадающей в Геленджикскую бухту, возможно, этот гидроним лег в основу названия». В словаре «Кавказ в именах, названиях, легендах» А.В. Твердого (Краснодар, 2008) помимо приведенных предыдущими авторами версий, приводится и адыгское (натухаевское) название местности, зафиксированное еще Хан-Гиреем «хьулъжъый», где «хьулъы» - пастбище, поляна, а «жъый» - аффикс со значением маленький. «Маленькая поляна». (Хан-Гирей – адыгский историк и просветитель, флигель-адъютант императора Николая I. В 1837 году во главе секретной дипломатической миссии приезжал на Кавказ, в т.ч. в Геленджик). Вероятно, что адыгское название «хьулъжъый» («гулежий») при заимствовании турками приобрело форму «Келенчик» и было воспринято русскими как «Геленджик». Каждая из приведенных выше версий имеет право на существование. Конечно большое количество легенд, (только ленивые их не сочиняли) . Одна из легенд гласит: «Весной, когда стихали штормы турки приходили к нам на своих судах, и заходя в нашу бухту им казалось, что вся эта местность покрыта белым покрывалом т. к. расцветали знаменитые черкесские фруктовые сады и поэтому они называли это место «Невесточка –Геленджик». На мой взгляд, самой достоверной является версия происхождения и перевода Хан -Гирея, поэтому из вышесказанного выстраивается своеобразная триада: адыгское «хьюленджи» (гулежий) - турецкое «Келенчик» - русское «Геленджик» и ни какой цветовой гаммы: ни белой, ни зеленой.

Как я упоминала, на территории нашего курорта был невольничий рынок, где продавали девушек-горянок. В своей книге «Путешествие в Черкесию» Тебу-де-Мариньи писал, что это было единственным пожеланием девушки, если она красива. Горянки были не просто товаром, а были сокровищем. Если в семье росла красивая девочка, ее воспитывали в традициях адыгского этикета, а затем как невест за большие деньги передавали работарговам, которые в свою очередь с

осторожностью и комфортом доставляли их в гаремы. Ввиду того, что черкешенки были не только хороши собой, но и умны, обладали хорошими манерами и честолюбием, по большей части они становились фаворитками султанов и пашей, в их руках сосредотачивались определенные материальные ценности, и они могли помогать своим родственникам, проживающим на Черноморском побережье, в свою очередь, родители девушек закрепляли свои родственные связи с высокопоставленными турками. Путешественники в разные века, посетившие наше побережье были очарованы красотой черкешенок. Видимо их поражало, что лица черкешенок были чистыми и гладкими, в то время когда в Европе многие были обезображены оспой. Адыги первыми, еще до Эдварда Дженнера и Луи Пастера научились прививать оспу. Французский агент шведского короля Карл XII Абри де ла Мотре в своих записках описал, как стал свидетелем процедуры оспопрививания, проводившейся больной адыгской девочке: «Я находил черкесов все более красивыми, — пишет Мотре, — по мере того как мы продвигались между гор. Так как я не встречал никого, отмеченного оспой, я пришел к мысли спросить их, нет ли каких-либо секретов, чтобы гарантировать себя от опустошений, которые этот враг красоты производил среди стольких народов. Они мне ответили утвердительно и сообщили, что это средство заключается в том, чтобы привить ее или передать тем, кого надо этим предохранить, взяв гной зараженного и смешав с кровью путем уколов, которые им делали». «Как много мы обязаны черкешенке, которая... первая решилась привить себе оспу! Скольких детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Может быть, нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его благодарность», — восторженно вторил ему французский поэт, писатель и философ Клод Гельвеций.

Но прежде всего, женщина - это хранительница очага, она занимает положение хозяйки семьи, как отмечалось неоднократно путешественниками прошлого и современными этнографами. Ограниченность женского пространства рамками усадьбы ставит ее в исключительное положение по отношению к мужчине. Мужчина дома получает почести со всеми сопутствующими его положению атрибутами подчеркнутого уважения к его потребностям и желаниям. Теофиль Лапинский, живя среди черкесов прекрасно понял ту особую роль, которая была уготована черкешенке в обществе. «Мать, — отмечает он, — имеет в доме такой же авторитет, как и отец, и почитается благоговейно всем семейством». Высокий статус черкесской женщины в обществе, ее широкие права, формы и принципы ее почитания, признававшиеся важнейшими элементами адыгского этикета, приводили в недоумение большинство путешественников и бытописателей, ожидавших увидеть скорее обратную картину. И это не случайно, ведь воспитание девушек определялось их назначением в жизни, социальной ролью в обществе. Уже в детстве родители приобщали девочку к трудовой жизни. В большинстве семей они втягивались в нее несколько раньше мальчиков. Девочек с 7-летнего возраста

учили знаменитому адыгскому золотому шитью, техника которого известна во всем мире. Умение вышивать считалось большим достоинством девушки. Золотошвейными предметами украшали жилища, стены домов, они бережно хранились и передавались по наследству. «Скорее порвется ткань, чем шов, сделанный их рукой» говорили в Черкесии. Чтобы создать вышивку девушки и женщины готовили свои руки: ухаживали, смазывали смягчающими специально приготовленными маслами, чтобы кожа рук была мягкой и она могла почувствовать каждую золотую нить. Затем начинала работать над вышивкой, создавая настоящее произведение искусств. Кроме трудовых навыков требовалось проявлять скромность, держаться достойно и оказывать почтение, быть сдержанной в выражении чувств, знать и соблюдать женский этикет. Помимо этого, родители заботились и о внешности девочки. Для этого на девочку как только у нее начинала формироваться фигура, надевали корсет. Девичий корсет был частью комплекса традиционного женского адыгского костюма. У адыгов идеал женской красоты, на протяжении многих веков был таковым — стройная фигура, плоская грудь и талия по тонкости «равная по объему завязке для ноговиц», т. е. 50—55 см. Этим они разительно отличаются от большого количества народов, которые до самого позднего времени считали, что полная женщина красивая. Стандарт красоты достигался как системой сбалансированного питания, так и моделированием тела корсетом, выполняющим формирующую функцию. По разным данным девочки начинали носить корсет с 9-10 лет и оставались в нем до замужества. Корсет надевали на девочку и туго зашнуровывали. Это было своего рода посвящением в девушки. Причем он очень плотно стягивал и грудь. Перед этой процедурой девочка должна была обхватить указательным и большим пальцем запястье. Если у нее это не получалось, то ее сажали на малокалорийную диету. Причем этот «экзамен» повторялся всякий раз, когда корсет меняли на соответствующий росту девочки. Корсет носился постоянно. Девочки в нем спали и снимали только во время мытья или для починки этой детали гардероба. Ксаверио Главани, о котором я упоминала выше, в 1724 г. писал: «...известен черкесский обычай зашивать талью девушек в сафьян для придания стройности стану и задержки развития груди, так как считается неприличным девушке иметь пышный бюст». Девушки, достигая возраста невесты, владели необходимыми навыками труда, ремесел, были полностью готовы к семейной жизни. Женщина в семье была ограничена в своих действиях, целым рядом запретов и ограничений, но как ни странно обладала большей свободой в общении. Например, если устраивались празднества, то непременно должны были присутствовать девушки, чтобы своим обаянием, красотой, знатностью, хорошими манерами украсить торжество. В честь прибытия знатных, известных своим умом и красотой горянок, музыканты играли специальный марш, прославляющий их. На праздниках и танцах девушки могли познакомиться со своим будущим мужем. Обычно браки заключались после предварительного знакомства молодых людей. Жених платил калым: скотом, вещами, деньгами. Сумма калыма зависела: от сословной принадлежности невесты, ее знатности, красоты, умения в рукоделии и в

ведении хозяйства. Если не хватало денег на калым, или родители невесты не давали своего согласия на брак, то существовал обычай похищения невесты. Особое место в личных отношениях в семье имел обычай избегания между мужем и женой, причем чем моложе супруги, тем был строже обычай. Супругам считалось неприлично появляться вместе на людях, проявлять заботу друг о друге.

Интересный случай описывает Тетбу-де-Мариньи, который произошел с ним на территории нашего курорта в Пшаде. Его кунаком был адыгский князь Мехмед-Ендар-оглу, его сын Ногай недавно женился и Тетбу де Мариньи по приезду в Пшаду, надо было принести дары и поприветствовать молодую княгиню, жену Ногай, когда он подошел к двери ее гостевой комнаты, к Тетбу присоединился ее муж, и они вместе оказались у двери гостевой, и чтобы не встретиться со своим мужем днем (это было запрещено обычаем), княгине пришлось выпрыгнуть в окно. (это весьма ошеломило француза). Что касается взаимоотношения невестки с другими членами семьи, то в течении всего срока после свадьбы до рождения ребенка ей было запрещено показываться свекру на глаза и разговаривать с ним. После рождения ребенка запреты несколько смягчились, но не настолько, чтобы невестка могла находиться в обществе свекра. По случаю рождения первенца глава семейства снимал с невестки девичью шапочку и повязывал ей на голову платок, а затем одаривал. В адыгских обычаях мужчина должен был всячески оберегать и помогать женщине. Просьба женщины о помощи всегда выполнялась беспрекословно. Позором считалось ссора или брань в присутствии женщины. Особое уважение оказывали горцы заступничеству женщины: если женщина с непокрытой головой бросалась в середину толпы сражающихся, то кровопролитие прекращалось. Если враг скрывался в женской половине или рукой прикасался к женщине этого рода, то оставался невредим. Словом всякое мщение, наказание и тем более убийство не может произойти в присутствии женщины и отлагается до другого случая. Однако прибегать к женской защите считалось малодушием, не достойным мужчин и, поэтому прибегали к этой защите для спасения только от смерти, когда не было другого выхода. Большое внимание в адыгском этикете уделялось различного рода знакам внимания представительницам прекрасного пола: «В целом ауле не нашлось бы джигита, который не бросился бы в огонь по одному ее слову, и тот из них считался бы не достойным имени мужчины, кто бы осмелился не исполнять ее священной воли», — писал Адиль-Гирей Кешев в рассказе «Чучело». Черкешенки появлялись в обществе с открытыми лицами, здоровались за руку, в отдельных случаях, могли высказать свое мнение на собраниях. Увидев женщину, мужчина был обязан встать. Почтенные старейшины чинно поднимались, когда по улице проходили молодые женщины в аулах. Если всадник встречал на своем пути женщину, он спешился и провожал ее до места назначения на время оставляя свои дела, какими бы важными они не были. Интересен обычай воспевания женщины. О ней слагали, как и о героях, песни в том случае: если она была хороша собой, умна, отличалась знанием тонкостей адыгского этикета, умела остроумно вести словесные состязания с молодыми людьми, была хорошей

рукодельницей и хозяйкой. Адыгский писатель Тембот Керашев в своей повести «Дочь шапсуга» писал: «Исстари повелось у адыгов: людская молва выделяла какую-нибудь девушку, восхваляя ее достоинства и создавая ей громкую славу, которая разносилась далеко за пределы края. Всякий мужчина, претендующий на мужество, доблесть и достоинство, считал своим долгом посетить знаменитую девушку. В гостевой такой девушки встречались лучшие мужи того времени. Здесь в беседах и спорах испытывалась острота ума, оценивались достоинства людей и, суждения выносимые здесь, с быстротой звука летели по всей адыгской земле. От имени такой девушки поэты слагали хвалебные или бичующие песни, сила воздействия которых равнялась силе общественного приговора. Гостевые комнаты таких девиц становились судилищем, где воздавалось должное доблести и трусости, достоинствам и порокам. И главным судьей на этом судилище была сама девушка. Поэтому почетна, но не легка была ее доля». В 30-годы XIX века слава первой красавицы и умницы на нашем побережье принадлежала натухайской княжне Диссепли. Надо заметить, что отношение к женщине у адыгов было в лучших европейских традициях служения и воспевания «Прекрасной Дамы». Столь прекрасные особы должны были иметь соответствующие наряды. Праздничный наряд знатной черкешенки (девичий) был красив и элегантен. Называется - «Сай» Основу костюма составляло распашное до пола платье из бархата или плотного шелка, богато украшенное золотым и серебряным шитьем и такими же галунами. Чаще всего встречались ткани темно-красного, черного, реже — синего, фиолетового и темно-зеленого цветов. Вышивка на платье располагалась по бортам, подолу, низу рукавов, все швы прикрывались галунами. От локтя почти до подола свешивались нарукавные подвески (Iашъхъа бэлагъ) в виде округлых лопастей, расшитые золотом и серебром. Тонкую талию девушки туго перехватывал серебряный пояс. Высокие конусообразные или низкие цилиндрические шапочки, украшенные богатой вышивкой, а также вышитые красные или черные изящные туфельки дополняли костюм, придавая ему завершенность и цельность. Такая одежда была очень дорогой, и на изготовление ее затрачивались годы кропотливого труда, поэтому носить ее могли только женщины высших сословий. Так же вы видите своеобразную обувь адыгской женщины — ходули «пха-чако», которая указывала на социальный статус. В расшитых золотом чувяках она становилась на ходули и при помощи ремешков прикрепляла их к стопе. Обычно ходули (так их называли) женские были деревянные в металлической оправе с тавром. Название переводится как «деревянная обувь». Они являются наиболее древней обувью адыгских женщин, дошедшей до XIX в. Ходули одевали в праздничные дни, особенно на свадьбах. (когда Печорин впервые увидел Беллу, она стояла среди подруг на ходулях) Женщины и девушки передвигались на них мелкими шагами, показывая свою грациозность и хорошие манеры, воспитанность, соответственно обычаям адыгов. Так, например, если девушка шла танцевать, то она медленно продвигалась к танцевальной площадке, а затем, спустившись с ходуль, шла танцевать в чувяках. После танцев она опять становилась на ходули. Высота

ходуль, колеблется от 11 до 19 см. «Пхъэцуакъэ» не принято было носить «на босу ногу». Характер декорирования ходуль впрочем, как и всего черкесского женского костюмного комплекса, говорит о тонком и изысканном вкусе, как черкесских мастеров, так и потребителей их изделий. Ходули были элементом выработки удивительной плывущей походки черкешенки. Знатная женщина должна была выделяться при помощи высоких ходуль, шапочки, пышного сая среди остальных: «Как мечеть над домами, княгиня над другими выделяться должна», - говорили адыги. Сочетание внешней привлекательности и воспитание в лучших традициях «Адыгегаге» — адыгского женского этикета явило миру гармоничный облик черкешенки: «Высокие, стройные, гибкие они точно светлый след оставляли за собой. Их маленькие руки и ноги вдохновляли турецкого поэта, и до сих пор в городах Малой Азии, когда встречаются такие у мужчин и женщин, анатолийцы говорят: «У них в роду черкешенка» Капля ее крови очищала целое поколение...», — писал Василий Иванович Немирович-Данченко, русский писатель путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Этот прекрасный и трагический образ и был запечатлен в названии нашего города и вот уже многие века продолжает пленять наши сердца и будить воображение.

Литература

- Ксаверио Главани Описание Черкесии. Пер. И примечание Вейденбаума - Тифлис, 1893 г.
- Тетбу де Мариньи Путешествие в Черкессию. Перевод с англ. - Корсаков Р.О. – Санкт -Петербург, 2015. –
- Личков Л. С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа -Киев , 1903 г.
- Доброхотов Ф. Черноморское побережье Кавказа - Петроград, 1916 г.
- Никонов В. А. Топонимический словарь - Москва, 1966 г.
- Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани -- Краснодар, 2006г.
- Твердый А. В. Кавказ в именах, названиях, легендах - Краснодар, 2008г.
- Сукунов Х.Х. и Сукунова И. Х. Черкешенка -Майкоп, 1992 г.
- Этнографические этюды -Майкоп, Национальный музей Республики Адыгея, 2022 г.
- Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья — Майкоп, 2007 г.
- Каспари А.А. Покоренный Кавказ -Пятигорск, 2010 г.

- Агрба Б.С. и Хотко С.Х. « Островная цивилизация Черкесии- Майкот,2004 г
- Шеуджен Э. Адыги (черкесы) XIX век: опыт применения антропологического подхода -Москва -Майкоп,2015 г.
- Культура и быт адыгов(этнографические исследования), вып VIII -Майкоп, 1991(Адыгейский научно -исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории).
- Максидов А. А. Адыги и народы Причерноморья -Нальчик, 2003 г.
- Сообцокова Н. Адыги и черкесы — Краснодар, 2010 г..
- Спенсер Э. Путешествия в Черкесию -Майкоп, 1994 г.
- Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны - Майкоп,1993 г.
- Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Воспоминания и документы. -Нальчик,1999г.
- История народов Северного Кавказа(конец XVIII – 1917 г.) - Москва,1988 г.
- Парфенов О. «Братцы, помните мое дело» - Москва, 2022 г.
- Шаги к Рассвету. Адыгские писатели -просветители XIX века. Избранные произведения -Краснодар, 1986 г.
- Бэлл Д. Дневник пребывания в Черкесии . В 2-х томах -Нальчик, 2007 г.
- А.В. Грошев Геленджик: история названия
http://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/groshev_a.v-gelendzhik-istorija_nazvanija-isp..pdf

Геленджик: история названия

По верному замечанию известного лингвиста, историка и топонимиста, д.и.н., профессора А.И. Попова, «для точного установления истории изучаемых географических имен необходимо ознакомление со всеми по возможности видами источников, в которых так или иначе упоминаются эти имена, иначе ошибки в толковании названий и в хронологии явлений будут неизбежны»¹. Как представляется, это в полной мере относится и к названию Геленджика, чья этимология остается многие годы предметом неослабевающей дискуссии в топонимическом сообществе и среди краеведов.

Сегодня Интернет, где появляется все больше материалов из архивных и библиотечных собраний, ранее отсутствующих по разным причинам в широком доступе, позволяет существенно расширить источниковую базу изучения вопроса установления конкретных обстоятельств и времени появления топонима «Геленджик» за счет привлечения ранее практически не используемых в этих целях:

произведений арабских географов и путешественников IX-XIV вв.;

сочинений турецких авторов XVII-XVIII вв.;

работ европейских путешественников по Кавказу XIII в. - первой трети XIX в.², как переведенных, так и первых по времени изданий на языке оригинала;

документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Краснодарского края за период с конца XVIII в. по начало XX в., в том числе опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ) и 12-м томном издании «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», вышедшем в 1866-1904 гг. в Тифлисе;

карт Черного моря и его кавказского побережья XIV-XIX вв., опубликованных в ряде отечественных и зарубежных печатных изданий и в электронном виде³, включая ранние османские карты из географических атласов «Kitab-ı Bahriye» (1526 г.), Walter Deniz atlası (1560 г.), Ali Macar Reis Atlas (1567 г.) и Atlas-ıHumayun (1570 г.)⁴, весьма подробных для своего времени⁵.

К сожалению, этот список нельзя дополнить свидетельствами автохтонных жителей Геленджика, поскольку, как отметил анонимный автор начала XIX в., «черкесы вовсе не имеют письмен, свойственных к изображению